

Россия. — 2004. — 15 янв. — с. 15

Театральный хулиган и лирик

Беседовала Светлана Новикова-Ганелина

Владимир Мирзоев никогда не принадлежал мейнстриму, однако в последние годы стал одним из самых востребованных режиссеров. Спектакли Мирзоева идут в разных театрах — от Ленкома («Две женщины») до Театра им. Вахтангова («Амфитрион», «Сирано де Бержерак», «Лир»), не считая антреприз.

Посмотревших его постановки можно поделить на три категории. Одни бегут после первого акта. Другие сидят до конца, пытаясь освоить его своеобразный язык. Третьи осаждают кассы. Его любовь к театральным кунштюкам, гэгам, эксцентрике, думаю, объясняется тем, что учился он у Марка Местечкина, на отделении цирковой режиссуры. Но эксцентричность его героев — лишь первый план, за нею умеющий видеть разглядит «серьез». Актеры же, работающие с ним (среди них — Сергей Маковецкий, Максим Суханов, Елена Морозова), приобретают особую выучку и становятся не просто популярными, а настоящими звездами.

В этом сезоне Владимир Мирзоев уже не только модный режиссер, но и художественный руководитель Московского драматического театра им. К.С. Станиславского. Первый же спектакль, который он выпустил после своего назначения, «Семеро святых из деревни Брюхо» Людмилы Улицкой (о нем читай ниже), показал нового Мирзоева. Трагический сюжет о людях, которых ничто не заставило отречься от себя и своей веры, оставил удивительное послевкусие светлой печали.

— У вас давняя репутация режиссера-разрушителя, театрального хулигана, который «выкручивает руки» автору. Однако ваша последняя премьера — «Семеро святых» — открыла в вас очарованного лирика. Откуда эти новые краски?

— Что значит репутация? Это стереотип восприятия. Твоего собственного — прежде всего. Репутацию в нашем деле нужно не поддерживать из последних сил, до изнеможения, до седых волос, но, на-

против, постоянно опровергать. Любой художественный язык, даже самый радикальный, в изоляции от общественного процесса теряет первоначальную энергию и обаяние. К примеру, в середине 80-х все бросилось разрушать социализм. Театр очень активно в этом участвовал. Но сейчас подобного рода актуальное искусство ощущается как досадный анахронизм, автоматическое воспроизведение приема.

Пьеса Людмилы Улицкой потребовала от нашей творческой группы и нежности, и осторожности. Атмосферу в театре вообще трудно создать, но очень легко вспугнуть. Не представляю себе эту пьесу на сцене какого-нибудь академического театра с колоннами. В случае с Улицкой нужны были камерность, особенные актеры. Даже не актеры — особенные люди.

— Есть режиссеры, которые в первую очередь думают о публике. Есть такие, кто ищет ответы на свои собственные вопросы. Вы обращаетесь к зрителю или к самому себе? И, если вы ведете диалог со зрителем, как лавируете между обычным и театрально искусственным?

— Конечно, я при всем желании не могу поставить пьесу, которая для меня не является интригующей загадкой, не привлекает как уникальный авторский мир. Однако, вступая в диалог с драматургом, я всегда держу в голове «большую картинку», я называю это духовным пейзажем дня. Театр как действие происходит только здесь и сейчас. И с моей стороны было бы легкомысленно не думать о публике — необходимом элементе этого события. Другой вопрос, что мы (наша команда) не хотим унижать публику, считать ее умственно

отсталой, душевно неразвитой. Мы не предлагаем искусство, «простое, как мычание». Чтобы понимать наши спектакли, не нужно быть снобом. Достаточно иметь открытое сознание, не забитое стереотипами.

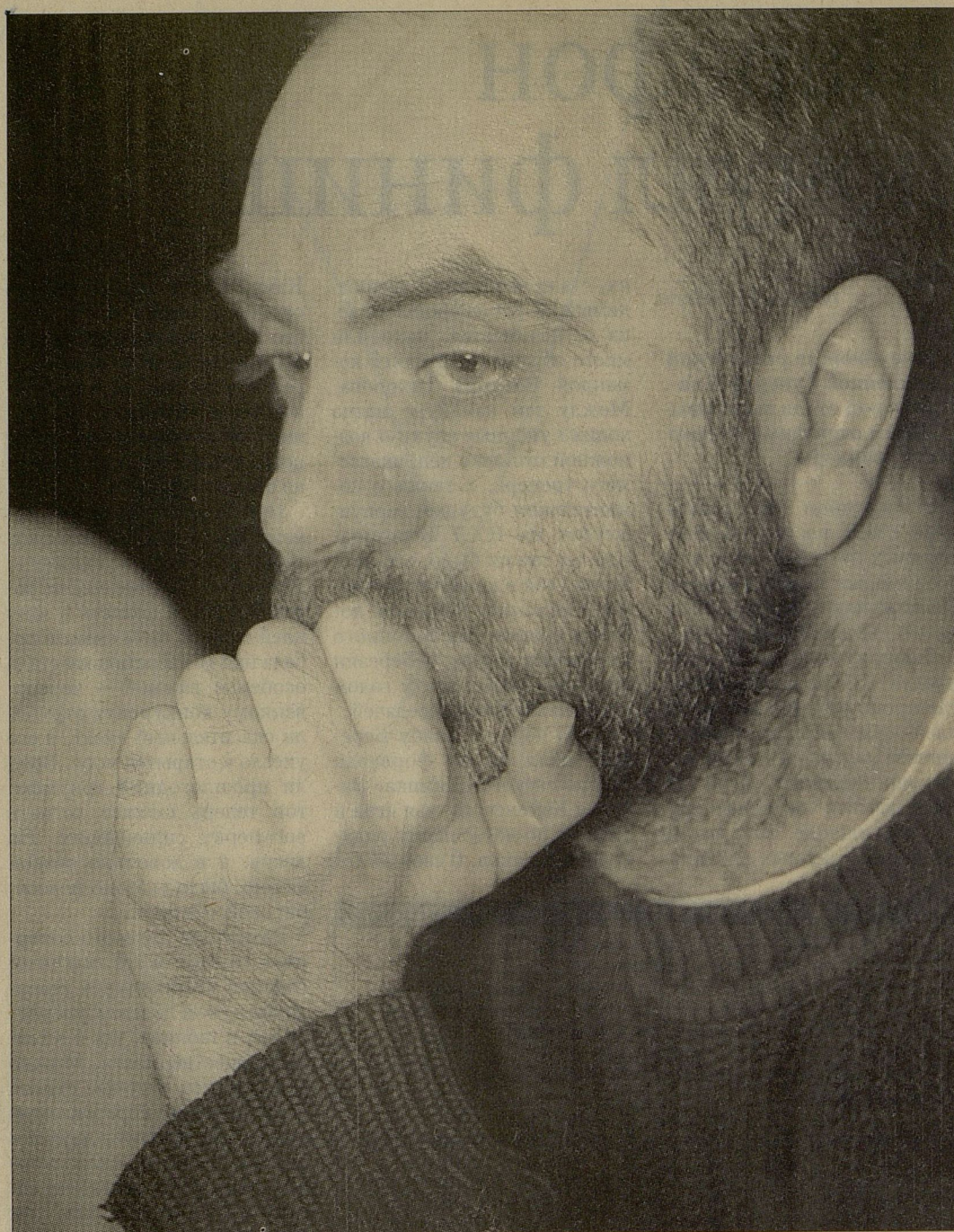
Поэтому «Лир» в Театре им. Вахтангова, который показался многим критикам меренно темным и туманным спектаклем, для обычной публики таковым не является. Вообще нынешний высокомерный взгляд интеллигенции на так называемый простой народ кажется мне не меньшей опасностью, чем его идеализация в XIX веке. Кто спорит: непросвещенным населением легче манипулировать! Эту истину хорошо знали и при царе-батюшке. Но не стоит забывать, что на месте одних манипуляторов легко и, главное, незаметно могут возникнуть другие. Поэтому разумнее (и в итоге безопаснее) не считать публику глупее, чем она есть, а давать пищу ее уму и воображению.

— Когда-то, на заре перестройки, вы уехали в Канаду. Уехали малоизвестным, можно сказать, элитарным режиссером. После нескольких лет вернулись, добились успеха, заработали имя, ставите не только в драматических театрах, но даже и в Мариинском. Эмиграция сыграла в этом какую-то роль?

— Славная была традиция у русского дворянства: посылать отпрысков на учебу за границу. И дело тут не столько в образовании (оно в нынешней России не хуже, если не лучше, чем за кордоном). Тут уникальная возможность взглянуть на свое отечество со стороны. Прочувствовать и силу, и слабость родной речи. Я говорю про «речь» в расширенном смысле.

— Будучи начинающим режиссером, вы предпочитали малоизвестные пьесы. А в последние годы ставите в основном классику: Шекспира, Гоголя, Ростана... Какой баланс нужен театру между старой и новой драматургией?

— Баланс? Простой: театру нужна хорошая драматургия.

Владимир Мирзоев не привык топтаться на месте. Фото Екатерины Цветковой

Тексты современников не должны казаться убогими рядом с пьесами Шекспира и Гоголя. Остальное не так важно, поскольку в живом спектакле и классический текст звучит как вчера написанный: что значит старое или новое, если театр сродни тому пространству, которое мы называем «вечность»?

— Впервые вы стали художественным руководителем. Причем не какого-то студийного подвальчика, а старого государственного театра. Как вы относитесь к тому, что в театрах появилась тенденция обходиться своими силами, выдвигать актеров на руководящую роль, только чтобы не приглашать никого со стороны? Не являет-

ся ли это опасностью, миной для искусства, которую театр подкладывает себе сам?

— Театр по своей природе очень консервативен. Ведь в нем наслаиваются тексты, стили, актерские школы. Это неплохо. В пресловутую «эпоху перемен» даже полезно — это здоровый консерватизм. Другое дело, что «театр-музей» не слишком жизнеспособен. В театре все накопленное веками богатство должно участвовать в свободной игре нашего воображения. Иначе ничего увлекательного на сцене не происходит.

Я думаю, что театром должен руководить истинный поэт — не важно, свой или со стороны. Разрушают театр (как, впрочем, и любое другое

дело) цинизм и некомпетентность. Например, Михаил Александрович Ульянов — отменный худрук, потому что профессионализм и железный характер не убили в нем романтика, рыцаря сцены.

— Театр им. Станиславского будет меняться или сохранит свое прежнее лицо?

— Наш театр был создан Константином Сергеевичем как экспериментальная оперно-драматическая студия. Наверное, эксперимент, опыты на границе видов и жанров искусства — это и есть истинное лицо Театра им. Станиславского. Мы готовы подхватить эту традицию и не топтаться на месте, как советовала Ахматова. А то травка возьмет и не вырастет.